

Научная статья

УДК 172.16

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-124-132

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ: АНАЛИЗ ПРИМЕНИМОСТИ В КИТАЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Цао Юнь, Ивлева М. Л.*

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва,
Российская Федерация*

*Корреспондирующий автор; e-mail: ivleva_ml@pfur.ru

Поступила в редакцию 24.11.2025

После доработки 12.12.2025

Принята к публикации 27.12.2025

Аннотация

Цель. Исследование посвящено анализу западных концепций социальной справедливости с акцентом на их гендерные аспекты и оценке их применимости к китайскому контексту. Актуальность работы обусловлена глобальными вызовами социального и гендерного неравенства, а также необходимостью поиска баланса между традициями и модернизацией.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительной философии, межкультурный анализ, историко-философский и концептуальный анализ, методология феминистской критики, в том числе критики андроцентризма.

Результаты. Выявлено, что прямое заимствование западных теорий в Китае затруднено, но их критический пересмотр с учётом конфуцианских ценностей, социалистических принципов и локальных гендерных норм может способствовать развитию более сбалансированной модели социальной и гендерной справедливости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в межкультурный философский диалог и поиск альтернативных социальных парадигм, учитывающих гендерное измерение.

Ключевые слова: социальная справедливость, гендерное равенство, западная философия, китайская модель, соборность, конфуцианство, феминистская философия, гендерная справедливость

Для цитирования:

Цао Юнь, Ивлева М. Л. Теории социальной справедливости и гендерные размышления в западной философии: анализ применимости в китайском контексте // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 124–132. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-124-132>.

Original research article

THEORIES OF SOCIAL JUSTICE AND GENDER REFLECTIONS IN WESTERN PHILOSOPHY: ANALYSIS OF APPLICABILITY IN CHINESE CONTEXT

Yun Cao, M. Ivleva*

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author; e-mail: ivleva_ml@pfur.ru

Received by the editorial office 24.11.2025

Revised by the author 12.12.2025

Accepted for publication 27.12.2025

Abstract

Aim. Western concepts of social justice with a focus on their gender dimensions and assesses their applicability to the Chinese context are analysed in the study. The relevance of the work is determined by the global challenges of social and gender inequality, as well as the need to find a balance between traditions and modernization.

Methodology. The methodological basis of the study is the principles of comparative philosophy, intercultural analysis, historical, philosophical and conceptual analysis, the methodology of feminist criticism, including criticism of androcentrism.

Results. It has been revealed that direct borrowing of Western theories in China is complicated, but their critical revision considering Confucian values, socialist principles and local gender norms can contribute to the development of a more balanced model of social and gender justice.

Research implications. The work contributes to intercultural philosophical dialogue and the search for alternative social paradigms that consider the gender dimension.

Keywords: social justice, gender equality, Western philosophy, Chinese model, conciliarity, Confucianism, feminist philosophy, gender justice

For citation:

Yun Cao & Ivleva, M. L. (2026). Theories of Social Justice and Gender Reflections in Western Philosophy: Analysis of Applicability in Chinese Context. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 124–132. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-124-132>.

Введение

Актуальность исследования теорий социальной справедливости в современной философии обусловлена глобальными процессами трансформации общественных отношений, обострением социального неравенства и поиском новых моделей справедливого устройства общества. В условиях усиливающегося диалога культур и взаимопроникновения философских идей особую значимость приобретает анализ концепций справедливости, которые, формируясь в различных историко-культурных контекстах, предлагают принципиально разные подходы к пониманию этого фундаментального социального феномена. Западная философская традиция, представленная трудами Джона Ролза, Роберта Нозика, Юргена Хабермаса и таких феминистских мыслителей, как Нэнси Фрейзер, развивает модели справедливости, делающие акцент на индивидуальных правах, гендерном равенстве и институциональных механизмах распределения благ. Особую значимость этот анализ приобретает при рассмотрении его эвристического потенциала для незападных обществ, в частности для современного Китая, где

процессы модернизации сопровождаются активными поисками баланса между социалистическими идеалами, конфуцианскими традициями и растущими требованиями гендерного равенства. Китайский контекст представляет собой уникальное поле для апробации различных философских подходов к справедливости, поскольку сочетает в себе авторитарную политическую систему с развивающимся гражданским обществом, традиционные ценности гармонии и иерархии с растущими запросами на гендерное и социальное равенство. В этом свете критическое осмысление западных теорий социальной справедливости сквозь призму гендера позволяет не только выявить их концептуальные ограничения, но и наметить возможные пути адаптации этих идей к китайской социально-культурной реальности.

Целью данного исследования является проведение анализа ключевых теорий социальной справедливости и их гендерных аспектов в западной философии с последующей оценкой их релевантности для китайского контекста. Для достижения этой цели предполагается решить следующие

задачи: во-первых, систематизировать основные западные философские подходы к проблеме справедливости, выделив их методологические основания, социально-политические и гендерные импликации; во-вторых, провести сравнительный анализ этих подходов по ключевым параметрам (роль индивида и коллектива, функции государства, соотношение равенства и иерархии, подход к гендерному равенству); и наконец, рассмотреть потенциал применения исследуемых концепций к современным китайским реалиям с учётом местных культурно-исторических особенностей и трансформации гендерных ролей.

Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительной философии, позволяющие выявить как универсальные, так и культурно-специфические элементы в различных концепциях справедливости, включая их гендерное измерение. Историко-философский подход используется для реконструкции генезиса и эволюции исследуемых идей, тогда как концептуальный анализ помогает выявить их внутреннюю логику и противоречия. Для анализа гендерной проблематики применяется методология феминистской критики, выявляющая патриархальные предпосылки и лакуны в философских концепциях. В этом отношении также задействована критика андроцентризма, которая выявляет обусловленность этих предпосылок патриархатной концепцией рождения [1]. Особое внимание уделяется методологии межкультурного исследования, которая позволяет избежать европоцентричных оценок и рассмотреть западные теории в диалоге с китайской интеллектуальной традицией.

Западные теории социальной справедливости: гендерный анализ

Западная философская традиция предлагает множество концепций социальной справедливости, каждая из которых отражает специфический исторический, политический и экономический контекст. Одной из наиболее влиятельных является

либеральная теория, представленная в работах Джона Ролза, который в своей «Теории справедливости» обосновал принципы справедливости как честности. Дж. Ролз предлагает гипотетическое «исходное положение», согласно которому рациональные индивиды, лишённые знания о своём будущем статусе, выбирают два ключевых принципа: равенство основных свобод для всех и допустимость социальной-экономических неравенств только при условии, что они принесут наибольшую пользу наименее обеспеченным членам общества [2]. Этот подход, сочетающий либеральные ценности с элементами перераспределения, стал основой для многих современных дискуссий о справедливости, включая критику его абстрактности и сложность практического применения. Однако, несмотря на универсалистские притязания, теория Ролза подвергалась феминистской критике за упущение гендерного измерения и патриархатные предпосылки. Так, Сьюзен Окин указывала, что Дж. Ролз не учитывает патриархального устройства семьи, что ограничивает применимость принципов справедливости к приватной сфере, где исторически формируются ключевые проявления гендерного неравенства [3, р. 22]. К. Пейтмэн обращала внимание на то, что в гипотетическое «исходное положение» Дж. Ролза включены разумные индивиды, являющиеся главами семей, под которыми мыслятся прежде всего мужчины [4, р. 43].

Альтернативу ролзианскому либерализму составляет либертарианская концепция, разработанная Фридрихом Хайеком и Милтоном Фридманом. Либертарианцы отвергают идею перераспределения благ как несправедливое вмешательство в свободный рынок. Ф. Хайек, например, утверждал, что «справедливость может быть только индивидуальной», а попытки государства регулировать распределение ресурсов нарушают естественный порядок конкуренции [5, с. 30–31]. М. Фридман, в свою очередь, акцентировал внимание на равенстве возможностей, а не результатов, считая, что государство должно огра-

ничиваться защитой прав собственности и свобод, а не заниматься социальным обеспечением [6]. Эти идеи легли в основу неолиберальных реформ 1980-х гг., но подверглись критике за игнорирование вопросов справедливости и уязвимости субъектов. Так, В. Блок, анализируя утилитарный либертариализм Д. Фридмана, отмечает, что этот вариант теории «очень слаб» и «подрывает само либертарианское предприятие», поскольку фактически исключает язык прав и справедливости [7, р. 2]. Феминистская критика в адрес либертарианства акцентирует внимание на том, что риторика «равенства возможностей» и минимального вмешательства государства игнорирует системные барьеры, с которыми сталкиваются женщины в патриархальном обществе. Отказ от перераспределительной политики и социальных программ фактически закрепляет гендерное неравенство, поскольку перекладывает работу и социальное воспроизводство на частную сферу, где она остаётся неоплаченной и гендерно-маркированной [8, р. 551–553].

Критический взгляд на либеральные и либертарианские теории предлагают представители коммунитаризма, такие как Аласдер Макинтайр и Майкл Уолцер. Они подчёркивают, что справедливость не может быть универсальной, а должна учитывать культурные традиции и коллективные ценности конкретных сообществ. Макинтайр, например, критикует ролзианский «универсализм», утверждая, что понятия справедливости формируются в рамках локальных практик и исторических нарративов [9]. Уолцер, в свою очередь, разработал теорию «сфер справедливости», где разные блага (образование, здравоохранение, политическая власть) должны распределяться по разным принципам, избегая доминирования одной группы над другими [10, р. 17–19].

Особое место в западной мысли занимает критическая теория Франкфуртской школы, которая интегрирует марксистский анализ с философской критикой идеологии. Теодор Адорно и Макс

Хоркхаймер раскрыли, как массовая культура и медиа воспроизводят социальное неравенство, маскируя его под «естественный» порядок [11, с. 194]. Юрген Хабермас позднее дополнил этот подход концепцией «коммуникативного действия», предлагая демократический диалог как механизм достижения справедливости [12]. Нэнси Фрейзер, современный представитель критической теории, объединила экономическую и культурную справедливость, настаивая на необходимости борьбы как с материальным неравенством, так и с символической маргинализацией [13].

Гендерное измерение становится особенно значимым в рамках развития критической теории. Если Адорно и Хоркхаймер анализировали культуру индустрии в целом, не уделяя особого внимания производству гендерных стереотипов, то Нэнси Фрейзер прямо включает гендер в свою трёхмерную модель справедливости. Она показывает, как патриархат функционирует одновременно в экономической сфере (через гендерное разделение труда и низкооплачиваемые «женские» профессии), в сфере признания (через культурную дискредитацию «феминного») и в политической сфере (через исключение женщин из публичного пространства).

Либерально-эгалитарные теории, прежде всего подход способностей (А. Сен) и его феминистская модификация (М. Нуссбаум), переопределяют меру справедливости через качество жизни и реальные возможности. У Сена справедливость измеряется не объёмом ресурсов, а спектром осуществимых способностей – от образования и здравоохранения до участия в политике [14, с. 221–223]. М. Нуссбаум вводит перечень центральных способностей и порог достоинства [15, р. 31, 33–34], требуя институциональных гарантий минимального уровня возможностей для всех, что делает подход непосредственно применимым к анализу гендерного и расового неравенства.

Таким образом, западные теории социальной справедливости образуют спектр от строгого индивидуализма либертарианцев

до коллективистских моделей коммунитаристов и критических теорий, раскрывающих структурное насилие. Они различаются, но их объединяет попытка ответить на ключевой вопрос: как совместить свободу индивида с гарантиями достойной жизни для всех членов общества? Ответы на него варьируются в зависимости от приоритета рынка, государства или культурного контекста, что делает эти теории не только академическими конструкциями, но и инструментами для анализа современных социальных конфликтов.

Важным вектором развития западной мысли стало осмысление гендерного измерения справедливости. Феминистская критика выявила, что классические теории зачастую не берут во внимание патриархальные основания общества, будь то абстрактный универсализм Ролза, игнорирующий гендерное разделение труда в семье, или риторика либертарианцев о свободном рынке, маскирующая системное неравенство в доступе к ресурсам. Коммунитаризм, в свою очередь, сталкивается с дилеммой между уважением культурных традиций и необходимостью критики патриархальных норм, заложенных в этих традициях. Наиболее последовательный учёт гендерного фактора предлагает критическая теория, в частности, трёхмерная модель Нэнси Фрейзер, показывающая, что подлинная социальная справедливость требует одновременного преодоления экономического неравенства, культурного непризнания и политического исключения, с которыми сталкиваются женщины. Этот синтез экономического, культурного и политического аспектов открывает новые возможности для анализа гендерной несправедливости как комплексного явления.

Западные теории справедливости – от либеральных концепций Джона Ролза до либертарианских идей Фридриха Хайека – исходят из примата автономной личности, чьи права и свободы являются основой социального договора. Справедливость здесь – это прежде всего гарантия равных возможностей и защита от произвола как

со стороны государства, так и других индивидов. Например, Ролз в своей теории «справедливости как честности» предлагает принципы, которые рациональные индивиды могли бы посчитать основами гипотетической «исходной позиции», не зная своего будущего статуса. Это сугубо рациональная, договорная модель, где нравственные ценности вторичны по отношению к процедурной справедливости.

В западной традиции государство выступает как нейтральный арбитр, обеспечивающий соблюдение правил игры (например, перераспределение благ через налоги у Дж. Ролза или защита частной собственности у Р. Нозика). Даже в коммунитаристских теориях (А. Макинтайр, М. Уолцер) государство должно создавать условия для реализации коллективных ценностей, но не навязывать их. При этом феминистская критика (С. Окин, Н. Фрейзер) указывает, что подобный «нейтралитет» часто игнорирует гендерно-структурированный характер общества, где женщины систематически оказываются в уязвимом положении из-за неоплачиваемого домашнего труда.

Для западных философов свобода – это прежде всего отсутствие принуждения (Ф. Хайек) или возможность реализовать свои жизненные планы (Дж. Ролз). Равенство понимается как равноценность стартовых возможностей или доступ к «первичным благам». Феминистские философы расширили это понимание, используя концепцию «качества жизни» и реальной свободы выбора, указывая, что формальное равенство возможностей недостаточно без учёта гендерных барьеров.

Западные подходы делают ставку на институты – демократию, правовое государство, рыночные механизмы. Даже критическая теория (Ю. Хабермас, Н. Фрейзер) предлагает реформировать систему через диалог и перераспределение ресурсов. Так, Ю. Хабермас в дискурсивной теории права и демократии показывает, как «коммуникативная власть» граждан институционализируется в форме правового государства и процедур делиберативной демократии, призванных корректировать существующую

щую систему изнутри [16]. Н. Фрейзер же настаивает на необходимости трансформации как экономических институтов, так и институтов признания для достижения гендерной справедливости.

Анализ применимости западных теорий социальной справедливости в китайском контексте

Китайская социально-политическая модель, сочетающая элементы социализма с национальными традициями конфуцианства, представляет собой уникальное поле для апробации западных концепций справедливости. Однако прямое заимствование этих теорий сталкивается с культурными и институциональными барьерами, что требует их критической адаптации. Западные либеральные теории, такие как концепция Ролза о «справедливости как честности», с их акцентом на индивидуальных правах вступают в противоречие с китайской традицией иерархии и коллективной гармонии. Конфуцианская этика, основанная на социальных ролях и взаимных обязательствах, противостоит идее «исходной позиции», где индивиды абстрагируются от своего статуса. Тем не менее, отдельные элементы западного подхода, такие как критика чрезмерного неравенства, находят отклик в современных китайских социальных программах, поскольку страна уже переходит от этапа исключительно экономического роста к политике сокращения разрыва в доходах, повышения справедливости распределения и укрепления социальной гармонии. При этом в китайском дискурсе о «совместном процветании» активно обсуждается международный опыт «богатства без справедливости», приводящего к росту популизма и социальным расколам как результату нарастания социальной поляризации [17].

Гендерный аспект этой проблемы особенно показателен: западный феминизм с его акцентом на индивидуальные права и репродуктивную автономию вступает в сложный диалог с конфуцианской системой ценностей, где женщина традици-

онно определялась через семейные роли («сяо» – сыновняя почтительность, «сань цун» – принцип трёх подчинений). Однако современная китайская политика демонстрирует прагматичный синтез: при сохранении традиционных семейных ценностей государство проводит политику обеспечения равного доступа женщин к образованию и профессиональной реализации, что отчасти перекликается с концепцией «возможностей» Амартии Сена.

Либертарианские идеи, отвергающие государственное вмешательство, также плохо вписываются в китайскую модель «социализма с китайской спецификой». Однако тезис о стимулирующей роли предпринимательства нашёл отражение в экономической политике последних десятилетий при сохранении государственного контроля.

В гендерном измерении это создаёт противоречивую ситуацию: экономическая либерализация открыла новые возможности для женской профессиональной самореализации, но при слабости механизмов защиты от дискриминации и традиционном распределении семейных обязанностей это привело к «двойной нагрузке» работающих на оплачиваемой работе женщин.

Критическая теория (Ю. Хабермас, Н. Фрейзер) полезна для анализа структурных неравенств, но её радикальный пафос эмансипации противоречит китайской установке на постепенные реформы. В гендерном аспекте это проявляется особенно ярко: если западный феминизм настаивает на быстрой трансформации патриархальных структур, то китайский подход предполагает постепенную адаптацию гендерного равенства в рамках существующих социальных институтов, что подчёркивается в сравнительных исследованиях китайского и западного феминизма [18]. При этом китайская модель демонстрирует прагматизм, заимствуя отдельные элементы феминистской критики (например, в сфере трудовых прав женщин), но отвергая её радикальные трактовки, способные нарушить социальную гармонию.

Таким образом, прямое заимствование западных теорий невозможно, но их критическая адаптация продуктивна. Синтез феминистской критики с конфуцианской этикой заботы, например, может способствовать формированию специфической китайской модели гендерной справедливости, сочетающей принцип равенства с традиционными ценностями семейных отношений. Такой синтез позволил бы, с одной стороны, сохранить культурную идентичность, а с другой – создать теоретическую основу для решения актуальных проблем вроде профессиональной сегрегации, неравного распределения домашнего труда и гендерного насилия при одновременном избегании «институциональных ловушек» [19, с. 689]. Такой диалог позволяет обогатить китайскую модель социальной справедливости, сохраняя её уникальность.

Заключение

Проведённый анализ западных концепций социальной справедливости в их гендерном измерении демонстрирует фундаментальные различия в подходах к пониманию справедливого общества. Западная традиция с её акцентом на индивидуальные права, институциональных механизмах и формальном равенстве разработала инструменты анализа гендерного

неравенства, но она не всегда учитывает значение культурного контекста и коллективных ценностей.

Особую ценность представляет выявленный гендерный аспект: западный феминизм проблематизирует саму структуру патриархального общества. Для китайского контекста, находящегося в поиске баланса между социалистическими идеалами, конфуцианскими традициями и вызовами модернизации, продуктивным представляется синтетический подход. Критическое переосмысление западных теорий гендерной справедливости через призму китайских культурных особенностей может способствовать формированию уникальной модели социальной справедливости.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могли бы стать анализ возможностей синтеза конфуцианской этики заботы с современными феминистскими концепциями, а также изучение потенциала российских коммунитаристских идей для укрепления социальной солидарности в условиях модернизации китайского общества. Такой межкультурный диалог позволит не только обогатить теоретические представления о социальной справедливости, но и внести вклад в практическое решение проблем гендерного неравенства в многополярном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кострицкая Т. А. Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 2. С. 134–138. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. 3-е изд. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с.
3. Okin S. M. Justice, Gender, and the Family. New York: Basic Books, 1989. 216 p.
4. Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988. 264 p.
5. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода / пер. с англ. А. Кустарева, Б. Пинскера. М.: Челябинск: Социум, 2020. 645 с.
6. Фридман М. Капитализм и свобода / пер. с англ. В. Козловского, И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
7. Block W. E. David Friedman and Libertarianism: A Critique // Libertarian Papers. 2011. Vol. 3. № 35. P. 1–33.
8. Watson L. Feminist Critiques // The Routledge Companion to Libertarianism. London: Routledge, 2022. P. 551–564.
9. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 381 с.
10. Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. New York: Basic Books, 1983. 345 p.

11. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. М. Кузнецова. СПб.: Медиум-Ювента, 1997. 312 с.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачин. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
13. Fraser N. Scales of Justice. Reimagining Political Space in a Globalizing World. New York: Columbia University Press, 2010. 224 p.
14. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Институт Гайдара, 2016. 520 с.
15. Nussbaum M. C. Creating Capabilities: The Human Development Approach. Cambridge: MA: Belknap Press, 2011. 256 p.
16. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MA: MIT Press, 1996. 676 p.
17. 万海远. 共同富裕的改革路径与推进逻辑 // 北京工商大学学报(社会科学版). 2022. Vol. 37. № 3. P. 23–34. DOI: 10.12085/j.issn.1009-6116.2022.03.003.
18. Xue Z. A Brief Comparison of Chinese and Western Feminism from the Perspective of International Relations // Journal of Sociology and Ethnology. 2022. Vol. 4. № 8. P. 35–40. DOI: 10.23977/jsoce.2022.040807.
19. Черняк А. З., Ивлева М. Л., Орехов А. М. Идея справедливости как социальная «ловушка» для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 687–706. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-687-706.

REFERENCES

1. Kostrikskaya, T. A. (2022). The Denial of Motherhood as an Ideological Basis for the Androcentric Tradition. In: *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. Pedagogy*, 22 (2), 134–138. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138.
2. Rawls, J. (2017). *A Theory of Justice*. Moscow: URSS: LENAND publ. (in Russ.).
3. Okin, S. M. (1989). *Justice, Gender, and the Family*. New York: Basic Books publ.
4. Pateman, C. (1988). *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press.
5. Hayek, F. A. (2020). *Law, Legislation and Liberty*. Moscow: Chelyabinsk: Socium publ. (in Russ.).
6. Friedman, M. (2006). *Capitalism and Freedom*. Moscow: Novoye Izdatelstvo publ.
7. Block, W. E. (2011). David Friedman and Libertarianism: A Critique. In: *Libertarian Papers*, 3 (35), 1–33.
8. Watson, L. (2022). Feminist Critiques. In: *The Routledge Companion to Libertarianism*. London: Routledge, pp. 551–564 (in Russ.).
9. MacIntyre, A. (2000). *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Academicheskiiy proekt publ.; Yekaterinburg: Delovaya Kniga publ. (in Russ.).
10. Walzer, M. (1983). *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. New York: Basic Books publ.
11. Horkheimer, M. & Adorno, T. V. (1997). *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. St. Petersburg: Medium-Juventa publ. (in Russ.).
12. Habermas, J. (2001). *Moral Consciousness and Communicative Action*. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
13. Fraser, N. (2016). *Scales of Justice. Reimagining Political Space in a Globalizing World*. New York: Columbia University Press.
14. Sen, A. (2016). *The Idea of Justice*. Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
15. Nussbaum, M. C. (2011). *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge: MA: Belknap Press.
16. Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MA: MIT Press.
17. 万海远 (2022). 共同富裕的改革路径与推进逻辑. In: 北京工商大学学报(社会科学版), 37 (3), 23–34. DOI: 10.12085/j.issn.1009-6116.2022.03.003.
18. Xue, Z. (2022). A Brief Comparison of Chinese and Western Feminism from the Perspective of International Relations. In: *Journal of Sociology and Ethnology*, 4 (8), 35–40. DOI: 10.23977/jsoce.2022.040807 (in Russ.).
19. Chernyak, A. Z., Ivleva, M. L. & Orekhov, A. M. (2022). The Idea of Justice as a Social “Trap” for Russia. In: *RUDN Journal of Sociology*, 22 (3), 687–706. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-687-706 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цао Юнь (г. Москва) – аспирант кафедры социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

ORCID: 0009-0006-4180-8323; e-mail: 1042248312@pfur.ru

Ивлева Марина Левенбертовна (г. Москва) – доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

ORCID: 0000-0003-2901-7503; e-mail: ivleva_ml@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Cao Yun (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

ORCID: 0009-0006-4180-8323; e-mail: 1042248312@pfur.ru

Marina L. Ivleva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

ORCID: 0000-0003-2901-7503; e-mail: ivleva_ml@pfur.ru